

УДК 316.77

ИЗМЕРЕНИЯ ДИСКУРСИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: КОММУНИКАТИВНОЕ, СЕМИОТИЧЕСКОЕ И КОГНИТИВНОЕ. ЧАСТЬ II



Пахалюк Константин Александрович,

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, аспирант кафедры политической теории, Москва, Россия, E-mail: kap1914@yandex.ru

Аннотация

Автор рассматривает дискурсивный подход в политических исследованиях с точки зрения выделения ключевой проблематики, а именно не-нейтральности языка в (вос)производстве политических отношений. Эта не-нейтральность связывается с изучением трех измерений дискурса: коммуникативного, семиотического и когнитивного, что в свою очередь требует активного заимствования различных теоретических подходов и методологических инструментов смежных дисциплин.

Ключевые понятия:

дискурсивный анализ, когнитивистика, история науки, политический дискурс, теория метафор, коммуникативистика, семиотика.

Когнитивное измерение дискурса

Третье измерение дискурса – когнитивное, концептуальной метафорой которого служит «глубина», выражаемая в стремлении исследователя выйти на уровень мыслительных процессов, заложенных в языке и детерминирующих восприятие, осмысление и поведение актора. Безусловно, семиотический и когнитивный подходы тесно переплетены на практике. Та же самая теория когнитивных метафор может использоваться и для концептуализации определенного смыслового пространства, и для выявления инвариантных структур мышления. Разница между выделяемыми измерениями заключается в том, как именно проблематизируется дискурс: рассматривается он именно как про-

странство, внутри которого действует субъект (тем самым, будучи включенным в него, он все же сохраняет автономию), или же акцент исследования ставится на том, как дискурс (язык-в-действии) связан с глубинными психическими процессами. Здесь принципиальна сама исследовательская позиция. Например, при анализе определенного текста может быть выявлен набор концептуальных метафор, опорных понятий, нарративных структур, однако важно определить, что собственно стоит за ними: являются ли они чисто семиотическими, организуя смысловое пространство самого текста или же речь идет об экспликации особенностей индивидуальных или коллективных когнитивных процессов.

Когнитивный подход в самом широком смысле связан с проблемой упорядочивания реальности, которая воспринимается как изначально недискретная. Речь идет не о работе со смыслами, а о том, каким образом мы это делаем. Предпосылкой является утверждение, что прежде чем что-то осмыслить, мы должны это «что-то» наименовать. Можно выделить несколько направлений в рамках когнитивного подхода.

Одно из них нацелено на выявление инвариантных структур, которые заложены в естественный язык. Толчок к развитию дала теория языковой относительности Э. Сепира и Б. Уорфа. Они выдвинули гипотезу о том, что именно естественный язык (русский, английский, китайский и пр.) детерминирует как социальный мир, так и действия людей. Как писал Э. Сепир: «Реальный мир» в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы... Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [26, с. 261]. Впрочем, в подобной формулировке представление о детерминизме языка встретило множество оппонентов. Например, Р.О. Якобсон отмечал, что разница языка заключается не в том, что «может или не может быть выражено, а в том, что должно или не должно сообщаться говорящими» [35, с. 233].

Проблему границ естественного языка (русского, немецкого, английского и пр.) можно возвести к социальным философам XVIII–XIX вв., которые полагали, что именно национальный язык является выражением особо «духа нации», тем самым увязывая язык и ментальность [7, с. 17]. Отсюда берет представление теория о «национальных характерах», которая была популярна в начале XX века. Уже в середине века этот подход окончательно оказался маргинальным в социальных науках, однако в России и среди русистов пережил определенный ренессанс и получил название «языковой картины мира». В определенной степени данный подход смыкается с практикой советской антропологии, которая в 1960–90-е гг. сосредоточилась на изучении этносов как самостоятельных культурных обществ. Эссенциализация идентичностей, восприятие культурных и языковых отличий как «естественных» привели к тому, что этнос превратился в некий самостоятельный субъект исторического процесса, реальную вещь. На этой базе распространились исследования «национального характера» (получившие название «этнопсихологии»), а в конце 1980-х гг. они заложили «научную» базу различного рода национализмов, приведших к краху СССР [28]. На этой основе строится теория националь-

ных языковых картин мира, в центре внимания которой не просто процесс вербализации значения, но и тех ограничений, которые накладывает на этот процесс используемый естественный язык [15, с. 121]. Язык рассматривается как хранитель национально-культурной информации, он отражает (и одновременно формирует) совокупность представлений народа и действительности, а закономерности грамматических формул отражают особое видение мира, предписываемое языком. Проблема же того, как носители разных языков все же понимают друг друга, решается за счет ввода термина «универсально-предметный код», который подразумевает наличие некоей единой логико-понятийной базы [15, с. 121].

Критика теории языковой относительности звучала с разных позиций. С одной стороны были представители социальных наук, указывавшие на то, что коллективное мышление детерминировано социально, но вовсе не национальным языком. С другой – лингвисты (Н. Хомский, С. Пинкер), которые полагали, что ключевые категории мышления укоренены в структуре человеческого мозга (т.н. теория «универсальной грамматики») и являются общими для всего человечества. Значительный вклад в полемику внесли Б. Берлин и П. Клей, которые изучили способы категоризации цветов представителями 22 неродственных языков. Им удалось выявить 11 «цветовых» прототипов, поразному актуализированных отличными друг от друга языками [11, с. 11–12]. Не претендуя на пересказ всей полемики, которая вызвала эта статья, можно утверждать, что категории мышления могут рассматриваться и социально, и лингвистически, и естественно обусловленными, однако природа и степень влияния являются вопросами широкой дискуссии.

В политических исследованиях данный подход был использован Н.И. Бирюковым и В.М. Сергеевым для операционализации понятия политической культуры, под которой понимались «базисные знания о социальной жизни, которые разделяются достаточно большой частью общества и определяют для этой части общества понимание конкретных политических ситуаций и поведение в них. Знание этого рода может быть, и как правило, является неосознанным... Такое знание организовано в чрезвычайно общие концептуальные схемы, которые не могут быть подтверждены или опровергнуты опытом, так как сами представляют собой способы интерпретации опыта (и мира в целом)» [3, с. 18]. Уже в дальнейшем авторы выделяют три составляющие политической культуры: социальную онтологию (способы категоризации социальной ситуации), ценности (шкала «преемственности» тех или иных ситуаций) и операциональный опыт (типовые схемы поведения).

Второе направление когнитивного подхода в дискурсивных исследованиях восходит к работам в области психологии и психоанализа. В поле внимания оказывается индивидуальный или групповой опыт структурирования социального опыта в рамках различных моделей [19, с. 72–83]. В качестве таких ментальных моделей могут выделяться фреймы (модели одного концепта), схемы (модели явлений или событий во временной и логической последовательности), планы (модели явлений, ориентированные на достижения цели), прототипы (образцы, фиксирующие чувственно воспринимаемые ключевые

особенности объекта) и сценарии (устоявшиеся планы, с определением ролей и ожидаемых действий) [6, с. 7; 20].

В политической психологии наибольшую популярность получило понятие стереотипа, которое вслед за Олпорттом можно определить как «преувеличенное убеждение, ассоциированное с какой-либо категорией» [34, с. 422]. Утверждается, что в обыденном сознании люди делятся на различные категории, которым приписываются определенные признаки, тем самым члены группы по отдельности мыслятся носителями данной группы. На языке аналитической философии речь идет об эллиптической конструкции, а с точки зрения логики – о стандартной логической ошибке. Неудивительно преимущественно негативное отношение к стереотипам, которое высказывалось уже одним из первых его исследователей У. Липпманом. Могут различаться автостереотипы (о самих себе) и гетеростереотипы, индивидуальные (в сознании одного человека) и социальные (разделяемые определенной группой) стереотипы. Принципиальным же является, что все они предстают в качестве удобных (потому и распространенных) когнитивных механизмов (моделей), позволяющих человеку ориентироваться в сложной социальной реальности. Как утверждал Гамильтон, само устройство когнитивного процесса ведет к формированию стереотипов [34, с. 427]. Социальные стереотипы не только ведут к искаженному восприятию, но и способствуют рационализации реальности, а также выполняют социальную функцию самооправдания, тем самым укрепляя групповую солидарность. В политическом плане стереотипы могут быть рассмотрены и в контексте формирования идентичности, и как элементы картины мира лиц, принимающих решения [19, с. 9–50].

Другое популярное понятие – фрейм. В отечественной науке оно было введено М. Минским: «фрейм – это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации». Если фрейм фиксирует типичные ситуации, то рефрейминг предполагает, в случае с речевым поведением, отказ от следования типовым моделям и сценариям [10, с. 70]. Так, О.С. Иссерс выделяет три типа приемов рефрейминга: когнитивные (направлены на изменение отношения к объекту), коммуникативные (изменение отдельных параметров коммуникационной ситуации) и лингвистические. В социологии понятие фрейма восходит к И. Гофману, который рассматривал относительно стабильные паттерны поведения человека в определенных контекстах. В этом плане проблема фреймов, прежде всего, связана с проблемой контекста (разные контексты, фреймы, задают разные смыслы одним и тем же действиям).

Третье направление (которое на практике наиболее тесно сопряжено с изучением семиотических пространств) связано со способами категоризации социальной реальности, подчинения ее власти слов (в частности, в поле зрения оказываются понятия и концептуальные метафоры), которые задают базовую картину мира, границы смысла, а потому и политических действий. История понятий стала одним из наиболее распространенных направлений как в социологии, так и в политической науке. Вслед за А. Магуном мы можем выделить две школы истории понятий: немецкая (Р. Козеллек, О. Бруннер), в рамках которой создается всеобъемлющая история того или иного понятия, и британская, т. н. Кембриджская школа интеллектуальной истории (К. Скиннер, Дж. Покок),

которая предстает более эмпирически ориентированной, изучающей скорее развитие не понятия как ментального контекста, а слова в его различных аспектах [18, с. 20]. Заметим, что и К. Скиннер, и Дж. Покок занимались изучением не собственно политических процессов, а историей политической мысли, акцентируя внимание на взаимоотношении политических текстов с их конкретными социальными контекстами, под которыми понимается полемическая языковая ситуация. Любой автор может пониматься только в контексте определенной языковой среды, которая уже предлагает определенный язык (узус) для выражения мысли [1].

Наибольшую популярность данное направление получило в рамках интеллектуальной истории, исторической социологии и истории политической мысли. Понятия предстают в качестве социальных институтов, которые задают «рамки» для социальных действий. Как правило, исследователи концентрируются на преемственности, развитии понятия. А. Магун подметил, что «почти все основные наши политические понятия в какой-то момент меняют смысл на прямо противоположный». Затем изначальный контекст создания и применения понятия уходит, забывается, но при этом «включается» внутренняя система отсылок: «Когда рефлексия обнаруживает за понятием его скрытую систему отсылок, то в качестве новой ценности и истины выходит наружу его бессознательная подоплека, которая раньше считалась его противоположностью». Другими словами, речь идет о том, что каждое понятие всегда представляет собою соотношение других понятий [18, с. 22, 24]. В контексте отечественной политической теории «история понятий» получила развитие в работах, прежде всего, М.В. Ильина и О.А. Хархордина [9; 33].

Наряду с изучением понятий популярность получила теория концептуальной метафоры. О метафоре как основе мышления и способе конструирования мира еще писал Ф. Ницше. Теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и Джонсона [см.: 4; 17; 36] стала отправной точкой метафорического анализа в социальных науках. Нередким стало утверждение, что научное познание основывается на определенной метафоре (системе метафор), а потому прогресс знание предполагает смену метафорических моделей [24; 31, с. 37–75]. Суть теории заключается в изначальной метафоричности языка: наше мышление устроено таким образом, что одни вещи мы всегда описываем в рамках других вещей. Даже такое утверждение как «Россия заявила протест» является метафорическим, поскольку России приписываются свойства человека. Метафорические системы не только влияют на то, как собственно политики описывают для себя происходящие изменения, но и используются как риторические средства для интерпретации политических процессов.

На стыке изучения политических концептов и метафор в отечественной политологии в 2000-е гг. обозначилась школа когнитивного анализа политического дискурса в МГИМО (В.М. Сергеев, К.Е. Коктыш, Е.С. Алексеенкова, Н.И. Бирюков, В.Б. Паршин, А.А. Казанцев, К.Е. Петров). Общим для работ этих авторов стало выявление когнитивных и метафорических моделей различных понятий, которые, в свою очередь, оказались совмещены с неинституциональным или сетевым анализом конкретных политических процессов [12; 13; 14;

16; 22; 23; 27]. В отличие от собственно психологического подхода выделяемые когнитивные структуры полагаются intersubjectивными, организующими границы знания и поведения субъектов. В рамках данного подхода понятие дискурса скорее относится к социальной онтологии, которая, в свою очередь, является производной от определенной политической культуры.

Описанные нами подходы составляют «ядро» когнитивного измерения дискурса. Конечно, это не отменяет наличие других теорий. Например, отечественные философы С. Неретина и А. Огурцов с опорой на феноменологическую традицию предложили понятие концепта как смысловой формы, возникающей и функционирующей в контекстах дискурсивных практик от речи до текстов. Он взаимоинтенционален, многомерен и исполнен смысловой напряженности, поскольку является выражением ценностных ориентаций и предпочтений участников коммуникативных актов [21, с. 198]. Подобная теория концепта как «рационализирующего когнитивного построения» оказалась удобной для анализа различных политических теорий в целях выявления их субъективно-авторского измерения.

По ряду причин в политологии слабое развитие получила дискурсивная психология, которая акцентирует внимание на роли языкового аспекта в формировании и выражении психического мира человека. Здесь можно говорить и об использовании методов консервационного анализа (развитого в социологии повседневности), и о появлении более развитых теорий, например, теории репертуаров интерпретации Дж. Поттера и М. Уезерелла или позиционного анализа Б. Дэвис и Р. Харре (анализ повседневногo разговора, в котором акцент от интенции смещен на изучение повествовательных линий) [5]. В качестве исключения стоит назвать «интервенцию психологов» в поле политической науки, а именно: применение метода интен-анализа для изучения конфликтных политических дискуссий (т. н. «конфликтный треугольник», под которым подразумевается направленность интенций на себя, оппонента и третьего лица), а также предвыборных кампаний. Предлагаемый инструментарий позволяет проводить сравнительный анализ публичных выступлений отдельных политиков, выявлять не выходящую за пределы здравого смысла корреляцию между интенциональными установками и используемыми речевыми приемами воздействия, а также фиксировать экспериментальным путем разную степень восприимчивости аудитории к интенции выступающего [8, с. 15–49; 32]. Метод эксперимента применяется и для анализа воздействия текстов на читателя, причем лингвистический инструментарий используется для разъяснения полученных результатов и установления зависимости между восприятием и конкретными стилистическими особенностями текстов [25].

Другое перспективное исследовательское направление связано с изучением воплощенного познания, с сопряжением когнитивной лингвистики и нейробиологии, а также – с интеграцией результатов различных экспериментальных исследований («эффект достопримечательности», прайминг-эффект) с политической проблематикой [2; 29; 30].

Таким образом, выделение трех измерений дискурса позволяет отойти от «лингвистического империализма» и дать ответ, в чем именно заключается

не-нейтральность языка в (вос) производстве политической реальности, очертить теоретические подходы и методологические инструменты, которые могут быть заимствованы из смежных, казалось бы не имеющих отношения к дискурсивному анализу и политологии, дисциплин. В политологии наибольший потенциал дискурсивный подход имеет, во-первых, при изучении процессов артикуляции различных политических позиций, во-вторых, при рассмотрении принципов функционирования «идеальных аспектов» политического взаимодействия.

1. Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа. «Contextisking». Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. – 2015. – № 4. – С. 21–44.
2. Барг Дж. и др. Автоматизмы в социальном поведении // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Сост. В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – С. 71–80.
3. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. – М.: Издательский сервис, 2004. – 542 с.
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2006. – 208 с.
5. Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 1. – С. 55–82.
6. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.
7. Воякина Е.Ю., Королева Л.Ю. Семантико-стилистические особенности общественно-политического дискурса. – Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2013. – 118 с.
8. Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Институт психологии РАН, 2011. – 366 с.
9. Ильин М.В. Формула государственности // Полития. – 2008. – № 3. – С. 67–78.
10. Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. М.: URSS, 2015. – 272 с.
11. Истомин К., Ильина И., Уляшев О. Восприятие цвета у русско- и комизычного населения Республики Коми: еще раз к вопросу о связи языка и мышления // Антропологический форум. – 2016. – № 29. – С. 9–37.
12. Казанцев А.А. «Ваххабизм»: опыт когнитивного анализа институтов в ситуации социокультурного кризиса // Полис. – 2002. – № 5. – С. 96–109.
13. Казанцев А.А. Тирания, диктатура: когнитивная схема и историческая судьба политических понятий // Полис. – 2001. – № 5. – С. 116–122.
14. Коктыш К.Е. Когнитивные интеграторы: опыт моделирования социальной динамики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 255–260.
15. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: Книжный дом университет, 2014. – 347 с.
16. Кубышкина Б.В. Американский политический дискурс при Дж. Буше-

мл: эволюция метафор // Полис. – 2012. – № 1. – С. 100–112.

17. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: URSS, 2012. – 262 с.

18. Магун А. Демократия и гегемон. – СПб: Европейский университет в СПб, 2016. – 153 с.

19. Медведева С.М. Проблема политического стереотипа в зарубежной политической психологии. – М.: МГИМО-Университет, 2005. – 147 с.

20. Меркулов И.П. Когнитивные особенности архаического мышления // Противоречие и дискурс / Под ред. И.А. Герасимова. – М.: ИФРАН, 2005. – С. 63–79.

21. Неретина С., Огурцов А. Концепты политической культуры. – М., 2011. – 276 с.

22. Петров К.Е. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Полис. – 2004. – № 3. – С. 140–153.

23. Петров К.Е. Структура концепта «терроризм» // Полис. – 2003. – № 4. – С. 130–141.

24. Печерская Н.В. Знать или называть: метафора как когнитивный ресурс социального знания // Полис. – 2004. – № 2. – С. 93–105.

25. Репина Е.А. Политический текст: психолингвистический анализ воздействия на электорат. М.: ИНФРА-М, 2013. – 96 с.

26. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 654 с.

27. Сергеев К.В. Когнитивные модели и формирование религиозных институтов: античный протогностицизм // Полис. – 2002. – № 5. – С. 86–95.

28. Соколовский С. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы / Ред. и сост. А.Л. Елфимова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 78–108.

29. Тверски Б. Телесная и ментальная навигация // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Сост. В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – С. 57–70.

30. Уилсон М. Шесть взглядов на воплощенное познание // Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Сост. В.Ф. Спиридонов, М.В. Фаликман. – М.: РГГУ, 2012. – С. 19–28.

31. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. – М.: ИД ВШЭ, 2011. – 335 с.

32. Ушакова Т.Н., Латынов В.В., Павлова А.А., Павлова Н.Д. Ведение политических дискуссий. Психологический анализ конфликтных выступлений. – М.: Академия, 1995. – 155 с.

33. Хархордин О.А. Основные понятия российской политики. – М.: НЛЮ, 2011. – 321 с.

34. Хьюстон М., Джайлз Г. Социальные группы и социальные стереотипы // Социолингвистика и социологи языка. Хрестоматия. Том II. Отв. ред. Н.Б. Вахтин. – СПб: Изд. ЕУ СПб. – С. 421–437.

35. Якобсон Р. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – С. 110–132.

36. Musolff, A. *Political Metaphors Analysis. Discourse and Scenarios.* – London, Oxford, New York, Delhi, Sydney, 2016. – 194 p.

References

1. Atnashev T., Velizhev M. Kembridzhskaya shkola. «Contextisking». Dzhon Pokok – istorik politicheskix yazykov // *Novoe literaturnoe obozrenie.* – 2015. – № 4. – S. 21–44.
2. Barg Dzh. i dr. *Avtomatizmy v social'nom povedenii* // *Gorizonty kognitivnoj psixologii. Xrestomatiya* / Sost. V.F. Spiridonov, M.V. Falikman. – M.: RGGU, 2012. – S. 71–80.
3. Biryukov N.I., Sergeev V.M. *Stanovlenie institutov predstavitel'noj vlasti v sovremennoj Rossii.* – M.: Izdatel'skij servis, 2004. – 542 s.
4. Budaev E'.V., Chudinov A.P. *Metafora v politicheskom interdiskurse.* – Ekaterinburg: Ural'skij gos. ped. un-t, 2006. – 208 s.
5. Busygina N.P. «Diskursivnyj povorot» v psixologicheskix issledovaniyax soznaniya // *Konsultativnaya psixologiya i psixoterapiya.* – 2010. – № 1. – S. 55–82.
6. Vodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika.* Volgograd: Peremena, 1997. – 138 s.
7. Voyakina E.Yu., Koroleva L.Yu. *Semantiko-stilisticheskie osobennosti obshhestvenno-politicheskogo diskursa.* – Tambov: Izd-vo IP Chesnokova A.V., 2013. – 118 s.
8. *Diskurs v sovremennom mire. Psixologicheskie issledovaniya* / Pod red. N.D. Pavlovoj, I.A. Zachesovoj. M.: Institut psixologii RAN, 2011. – 366 s.
9. Il'in M.V. *Formula gosudarstvennosti* // *Politiya.* – 2008. – № 3. – S. 67–78.
10. Issers O.S. *Diskursivnye praktiki nashego vremeni.* M.: URSS, 2015. – 272 s.
11. Istomin K., Il'ina I., Ulyashev O. *Vospriyatие cveta u russko-i komiyazychnogo naseleniya Respubliki Komi: eshhe raz k voprosu o svyazi yazyka i myshleniya* // *Antropologicheskij forum.* – 2016. – № 29. – S. 9–37.
12. Kazancev A.A. «Vaxxabizm»: opyt kognitivnogo analiza institutov v situacii sociokul'turnogo krizisa // *Polis.* – 2002. – № 5. – S. 96–109.
13. Kazancev A.A. *Tiraniya, diktatura: kognitivnaya sxema i istoricheskaya sud'ba politicheskix ponyatij* // *Polis.* – 2001. – № 5. – S. 116–122.
14. Koktysh K.E. *Kognitivnye integratory: opyt modelirovaniya social'noj dinamiki* // *Vestnik MGIMO-Universiteta.* 2010. № 4. S. 255–260.
15. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyx mentalitetov.* – M.: Knizhnyj dom universitet, 2014. – 347 s.
16. Kubyshkina B.V. *Amerikanskij politicheskij diskurs pri Dzh. Bushe-ml: e'voljuciya metafor* // *Polis.* – 2012. – № 1. – S. 100–112.
17. Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metafory, kotorymi my zhivem.* – M.: URSS, 2012. – 262 s.
18. Magun A. *Demokratiya i gegemon.* – SPB: Evropejskij universitet v SPB, 2016. – 153 s.
19. Medvedeva S.M. *Problema politicheskogo stereotipa v zarubezhnoj*

- politicheskoy psixologii. – M.: MGIMO-Universitet, 2005. – 147 s.
20. Merkulov I.P. Kognitivnye osobennosti arxaicheskogo myshleniya // Protivorechie i diskurs / Pod red. I. A. Gerasimova. – M.: IFRAN, 2005. – S. 63–79.
21. Neretina S., Ogurcov A. Koncepty politicheskoy kul'tury. – M., 2011. – 276 s.
22. Petrov K.E. Koncept «Evropa» v sovremennom politicheskom diskurse // Polis. – 2004. – № 3. – S. 140–153.
23. Petrov K.E. Struktura koncepta «terrorizm» // Polis. – 2003. – № 4. – S. 130–141.
24. Pecherskaya N.V. Znat' ili nazyvat': metafora kak kognitivnyj resurs social'nogo znaniya // Polis. – 2004. – № 2. – S. 93–105.
25. Repina E.A. Politicheskij tekst: psixolingvisticheskij analiz vozdejstviya na e'lektorat. M.: INFRA-M, 2013. – 96 s.
26. Sepir E'. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii. – M.: Progress, 2001. – 654 s.
27. Sergeev K.V. Kognitivnye modeli i formirovanie religioznyx institutov: antichnyj protognosticizm // Polis. – 2002. – № 5. – S. 86–95.
28. Sokolovskij S. Proshloe v nastoyashhem rossijskoj antropologii // Antropologicheskie tradicii: stili, stereotipy, paradigmy / Red. i sost. A.L. Elfimova. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. – S. 78–108.
29. Tverski B. Telesnaya i mental'naya navigaciya // Gorizonty kognitivnoj psixologii. Xrestomatiya / Sost. V.F. Spiridonov, M.V. Falikman. – M.: RGGU, 2012. – S. 57–70.
30. Uilson M. Shest' vzglyadov na voploshhennoe poznanie // Gorizonty kognitivnoj psixologii. Xrestomatiya / Sost. V.F. Spiridonov, M.V. Falikman. – M.: RGGU, 2012. – S. 19–28.
31. Urri Dzh. Sociologiya za predelami obshhestv. Vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya. – M.: ID VShE', 2011. – 335 s.
32. Ushakova T.N., Latynov V.V., Pavlova A.A., Pavlova N.D. Vedenie politicheskix diskussij. Psixologicheskij analiz konfliktnyx vystuplenij. – M.: Akademiya, 1995. – 155 s.
33. Xarxordin O.A. Osnovnye ponyatiya rossijskoj politiki. – M.: NLO, 2011. – 321 s.
34. X'yuston M., Dzhajlz G. Social'nye gruppy i social'nye stereotipy // Sociolingvistika i sociologi yazyka. Xrestomatiya. Tom II. Otv. red. N.B. Vaxtin. – SPb: Izd. EU SPB. – S. 421–437.
35. Jakobson R. Vzglyady Boasa na grammaticheskoe znachenie // Jakobson R.O. Izbrannye raboty. – M.: Progress, 1985. – S. 110–132.
36. Musolff, A. Political Metaphors Analysis. Discourse and Scenarios. – London, Oxford, New York, Delhi, Sydney, 2016. – 194 p.

UDC 316.77

COMMUNICATIVE, SEMIOTIC AND COGNITIVE LEVELS OF DISCURSIVE DIMENSION OF POLITICAL PROCESSES. PART II

Pakhalyuk Konstantin Aleksandrovich,

The Moscow State Institute of the International Relations (University)
of the Ministry for Foreign Affairs of the Russian Federation,
The post-graduate student of chair of the political theory,
Moscow, Russia,
E-mail: kap1914@yandex.ru

Annotation

The author considers a discursive approach in political studies in terms of highlighting its key issues, namely, the non-neutrality of language in (re)production of political relations. This non-neutrality is associated with the study of three dimensions of discourse: communicative, semiotic and cognitive. The study of them requires active borrowing of various theoretical approaches and methodological tools from related disciplines.

Key concepts:

discourse analysis, cognitive science, history of science, political discourse, theory of metaphors, communicativistics, semiotics.